



DOI: 10.25178/nit.2023.3.1

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке

Татьяна Г. Бочина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация



Целью данной статьи является определение особенностей функционирования числового и цветового кодов культуры в описательной части тувинской загадки. Актуальность исследования мотивируется важностью познания устно-поэтического наследия народов России, ценностью реконструкции глубинных категорий мышления, значимостью выявления особенностей категоризации и концептуализации мира разными народами, в том числе на материале традиционных загадок. Объектом исследования являются тувинские загадки о человеке, предметом — семантика числа и колоратива в энигматическом тексте.

Установлено, что имена числительные в загадках употребляются, как правило, в своем буквальном математическом значении в функции описания загаданного предмета посредством указания на его объективный количественный признак, помогающий совершить когнитивный «скачок» от энигматора к энигмату. Использование колоративов как в прямом, так и в переносном значениях связано с лингвокультурным освоением мира и спецификой тувинской картины мира. Делается вывод о том, что в тувинских загадках о человеке количественный и цветовой признаки, являющиеся общим для закодированного

объекта действительности и кодирующей части, стимулирует механизмы логического мышления и мотивируют метафорический перенос.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 года издания, из которого методом сплошной выборки отобрано 135 загадок о человеке и мировоззрении.

Ключевые слова: загадка; тувинская загадка; культурный код; число; цвет

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.



Для цитирования:

Бочина Т. Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Тел.: +7 (842) 221-33-70. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

BOCHINA, Tatyana Gennadievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in the Field of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation. Tel.: +7 (842) 221-33-70. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985



PHILOLOGY

Article

Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

The purpose of this article is to determine the features characterizing the functions of numerical and color culture codes in the descriptive part of the Tuvan riddle. The significance of the study is its insight into the oral and poetic legacy of the peoples of Russia, the reconstruction of the underlying categories of thinking and the identification of the unique features of categorization and conceptualization of the world by different peoples, including a case study of traditional riddles. The object of our research is Tuvan riddles about man; its subject is the semantics of number and color in an enigmatic text.

We have found that numerals in the riddles are used, as a rule, in their literal mathematical meaning. They describe an implied object by pointing to its objective quantitative feature that helps to make a cognitive "leap" from its coding part ("enigmator") to its coded object ("enigmat"). The use of color vocabulary both in direct and figurative meanings is connected with the linguistic and cultural acquisition of the world and the specific character of the Tuvan worldview. The article concludes that quantitative and color attributes, which are common for both the coded object of reality and the coding part, stimulate the mechanisms of logical thinking and justify the metaphorical transfer in the Tuvan riddles about man.

The research is based on a collection of Tuvan riddles compiled by Georgy N. Kurbatskii and published in 2021. 135 riddles about man and his world outlook were selected from the edition by a continuous sampling method.

Keywords: riddle; Tuvan riddle; cultural code; number; color

Financing

The article was written within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

**For citation:**

Bochina T. G. Chislavoi i tsvetovoi kod kak komponent tuvinskih zagadok o cheloveke [Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 6-20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Введение

Не вызывает сомнений важность познания устно-поэтического наследия народов России, ценность реконструкции глубинных категорий мышления, значимость выявления особенностей категоризации и концептуализации мира разными народами. Современная российская лингвистика пристальное внимание уделяет исследованиям этнокультурных моделей мира, особенностей лингвокультур. В этой связи неуклонно возрастает интерес к изучению малых жанров фольклора, воспроизводящих традиционные культурные ценности, в том числе жанров тувинского устного народного творчества (Паремиология в дискурсе, 2015, Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022; Бредис и др., 2021, 2022; Зиновьева, Алешин, 2022; Иванов, 2022abc, 2023; Курбатский, 2001; Ломакина, 2022; Бочина, 2022, 2023).

Одним из архаичных жанров, сохраняющих актуальность и в современном мире, являются загадки (энигматические тексты), которые неоднократно становились объектом научного анализа, в том числе



на материале русского¹, калмыцкого², якутского³ и других языков, а также в сопоставительном аспекте (Чеснокова, Усманов, 2022ab; и др.⁴).

Тексты загадок представляют исследователю ценную информацию о этнокультурном своеобразии картины мира, лингвокультурных константах, ибо «и выбор тематики загадок, и лингвистические особенности репрезентации загаданного денотата оказываются напрямую связанными с этнокультурными особенностями мировосприятия» (Логутенкова, 2016: 50).

Если появление загадки связано «с архаическим ритуалом, моделирующим преодоление хаоса и упорядочение состава мира путем обозначения и именованя каждого его элемента...» (Седакова, Толстая, 1999: 233–234), то ее жизнь — это способ передать познанное новому поколению таким образом, чтобы сохранить своеобразие этнокультурной традиции.

Текстообразующим принципом загадки, по признанию многих лингвистов, является двухчастная структура — «наличие энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) и энигматора (кодирующей, описательной части)...»⁵. При этом в загадке и отгадке сочетаются реалии разного порядка: «Компоненты данных частей принадлежат, как правило, к разным классификационным категориям: неодушевленное — одушевленное, объекты — люди, растительный и животный мир — люди, естественные предметы. В загадке постулируется равенство данных классов по определенному основанию при сокрытии их прочих сторон»⁶. Именно этот семантический «разрыв» между двумя компонентами текста делает его непонятным и загадочным, а чтобы его расшифровать, требуется знание культурного кода: «Традиционная загадка — состоявшийся речевой акт с выраженными позициями адресанта (левая часть текста) и адресата (правая часть текста), в котором зафиксирован древнейший общекультурный код (шифр), имеющий различные социальные функции»⁷.

В свою очередь, описательная часть энигматического текста (энигматор) состоит из двух компонентов. Первый из них — метафора, которая придает тексту загадочность, ибо ее денотат и денотат отгадки обозначают реалии разных сфер жизни, зачастую очень далеких друг от друга. Именно метафорический образ тесно связан с особенностями мировидения народа, является лингвокультурным маркером и отражением этнического своеобразия концептуализации и категоризации действительности. В нем заключается тот самый квант знания, овладение которым позволяет ребенку социализироваться, перенять культурную эстафету этноса. Метафорическая модель, если она отличается от родной и привычной, делает загадку трудно разгадываемой и даже принципиально непонимаемой для носителя иной лингвокультуры. Второй компонент — это признак, который является общим для энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) и энигматора (кодирующей части), признак, который стимулирует механизмы логического (общечеловеческого!) мышления и мотивирует метафорический перенос. И метафора, и ее мотиватор, как правило, являются единицами культурных кодов.

Исследование культурных кодов, или «системы знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» (Ковшова, Гудков, 2017: 40), вызывает неизменный интерес лингвокультурологии.

¹ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. 23 с.; Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2018. 25 с.; Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология : дисс. ... д-ра филол. н. Орел, 2019. 524 с.

² Устиева И. С. Калмыцкие народные загадки : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2011. 22 с.

³ Филиппова В. В. Якутские загадки: семантика и структура : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

⁴ Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков) : дисс. ... д-ра филол. н. Казань, 2019. 339 с.; Медведева Е. С. Лингвокультурологический анализ репрезентации флоры и фауны в испаноязычных загадках (на материале пиренейского и мексиканского национальных вариантов) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2022. 24 с.

⁵ Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология : дисс. ... д-ра филол. н. Орел, 2019. С. 13.

⁶ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. С. 9.

⁷ Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2018. С. 7.



Таким образом, актуальность статьи мотивируется научной значимостью познания лингвокультурных особенностей репрезентации культурных кодов энигматическими текстами.

В последние годы наблюдается возрастание интереса лингвистов к исследованию тувинских загадок в различных аспектах. В диссертации Ч. А. Кара-оол¹, посвященной детскому фольклору тувинцев, значительное место отведено рассмотрению традиционных загадок как средству социализации ребенка. В центре внимания Е. Е. Иванова находится семантическая типология тувинских загадок (Иванов, 2022а). Межъязыковое сопоставление с тувинскими загадками в своих статьях осуществляют О. С. Чеснокова и Т. Ф. Усманов, исследовавшие пищевой (Чеснокова, Усманов, 2022а) и природный коды (Чеснокова, Усманов, 2022б). В работе Ж. М. Юши рассматривается жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии (Юша, 2021). В статье А. М. Соян предметом исследования является символика числа үш 'три' в разных жанрах фольклора и в литературе тувинцев (Соян, 2020). Тувинские загадки о человеке еще не были в фокусе внимания лингвокультурологов, что составляет новизну данной статьи, в которой исследуется семантика числа и колоратива антропонимических загадок.

Выбор числового и цветового кодов для исследования определяется следующим. Количественная характеристика денотата в описательной части загадки нередко используется в качестве его ключевого признака, что представляется глубоко закономерным, поскольку оценка по количественным параметрам является одним из исходных пунктов аксиологического анализа ситуации и ее компонентов (Баранов, 1989: 77). Кроме того, числовое кодирование «обеспечивает связь объектов мира, являющихся предметом загадывания и разгадывания и, следовательно, некое, хотя бы относительное единство самого мира» (Топоров, 2005: 360). Сегментирование окружающего мира в аспекте количественности представляет собой сложный когнитивный процесс, которому ребенок обучается, в том числе через загадки. Как отметила Ч. А. Кара-оол, Н. В. Катанов писал, что «загадка дает детям возможность приобрести навыки систематизации, логического мышления»².

Другим очевидным признаком денотата загадок является цвет, маркирующий внешний вид загаданного предмета.

Цветовой код является универсальным компонентом этнокультурных языковых картин мира, ибо, с одной стороны, цвет является очевидным, лежащим на поверхности, признаком познаваемых объектов реальной действительности, являясь типом мотивации (внутренней формы слова), отражающей объективную характеристику предмета, с другой — значения колористических лексем развивают множество этноспецифичных аксиологических, символических и семиотических коннотаций в связи с лингвокультурной обусловленностью освоения и восприятия мира.

Итак, целью данной статьи является определение особенностей функционирования числового и цветового кодов культуры в описательной части тувинских загадок о человеке.

Гипотеза исследования: количественный и цветовой признак, являющийся общим для закодированного объекта действительности и кодирующей части, стимулирует механизмы логического мышления и мотивирует метафорический перенос в тувинских загадках.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 года издания³, содержащий 1 121 загадку, из которого методом сплошной выборки было отобрано 135 загадок о человеке и его мировоззрении. Данное издание примечательно прежде всего тем, что оно вобрало в себя энигматические тексты из предыдущих сборников, научных и публицистических изданий, кроме того, в него вошли более 400 загадок, записанных составителем и студентами-филологами Кызылского государственного пединститута с 1964 по 1985 г.⁴ Весьма ценно, что книга двуязычная: и загадки, и отгадки даются на тувинском и русском языках (редакторы переводов — С. М. Орус-оол и Н. Ш. Куулар).

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — начало XXI в.) : дисс. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2015. 136 с.

² Там же. С. 43.

³ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. 158 с.

⁴ Там же. С. 3.



Числовой код как компонент денотата загадок о человеке

Как известно, в языковом мышлении выделяют размерную, пространственную, числовую количественность; количественность времени, а также интенсивности, степени (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 313). В тувинских загадках о человеке в основном используется такая разновидность количественного мышления, как числовая. В наивной анатомии маркером того или иного органа (глаза, уши, рот) или части тела (пальцы, пупок) является указание на его количество, таким образом ребенок наряду со знанием о мире получал еще и наглядное представление о счете и элементарных арифметических действиях (сложение, вычитание).

Так, в тувинских загадках числовым эталоном пупка является *чаңгыс* 'единица':

<p><i>Чал ортузунда, Чаңгыс оңгар чыдыр</i> (419)¹.</p>	<p>Посреди насыпи Одна яма лежит (пупок).</p>
<p><i>Чалым хаядан, Чаңгыс ыргай үндү</i> (420).</p>	<p>На неприступной скале Одна ирга-ягода выросла (скала — это человек, ирга — его пупок).</p>
<p><i>Чалым хаям ортузунда Чаңгыс ыргай</i> (421).</p>	<p>Посреди широкой скалы Одна ирга (пупок).</p>

Числительное *ийи* 'два' указывает на парные части тела и органы (щеки, груди, ноздри и т. п.):

<p><i>Ийи тейниц аразында Ийленчек сарыг оорга чыдыр</i> (400).</p>	<p>Меж двух холмов Наклонный желтый хребет лежит (нос между щеками).</p>
<p><i>Шыгыр-шыгыр чоруктуг, Ийи дорзук хүнезинниг</i> (427).</p>	<p>«Скрип-скрип» едзящий, Два бурдюка провизии имеющий (Ребенок в люльке. Груды матери).</p>
<p><i>Ийи доскаар саржаг</i> (438).</p>	<p>Две бочки масла (сопли), где две бочки — две ноздри, в которых скопилась слизь.</p>

Числительное *беш* 'пять' ассоциировано с пальцами на одной руке, соответственно *он* 'десять' — с пальцами на двух руках:

<p><i>Ортулукта он оол, Бежеликте беш оол</i> (408).</p>	<p>На острове десять парней, В каждой его половине по пять парней (пальцы руки).</p>
<p><i>Хаактыгны куду Ийи хаа моорлап батты, Ийи хааны беш хаа уткуду</i> (443).</p>	<p>Вниз по Тальниковому Двое посыльных пожаловали, Двоих посыльных пятеро посыльных встретили (сопли, пальцы).</p>

¹ Здесь и далее загадки и их перевод на русский язык цитируются по изданию: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Здесь и далее в скобках указаны номера загадок, ответы на которые приводятся в сборнике под теми же номерами в разделе «Отгадки».



В загадках о зубах ключевым компонентом, указывающим на загаданный предмет, также является признак количества:

<i>Үжен ийи кожактыг, Ходугур шилги бызаалыг (399).</i>	С тридцатью двумя лентами, С торчащим красно-рыжим теленком (рот, зубы, язык).
---	---

Весьма показательно также наличие загадок по анатомии человека, в которых на загадываемый предмет указывает сумма чисел, ассоциированных с составными частями этого предмета. Например, голова зашифрована числительным *чеди* 'семь', которое является суммой $2+2+2+1$, где двойка символизирует парные органы (глаза, уши, ноздри), а единица — рот:

<i>Борбак тейниң үдү чеди (351).</i>	У круглого холмика семь дыр (голова: два глаза, ноздри, уши, рот).
--------------------------------------	--

Имеется и еще более сложный с точки зрения наивной картины мира и математики вариант, когда один из компонентов суммы, в свою очередь, уже является суммой $4+2=6$, где $4=2+2$:

<i>Дөрбелчин дөртөлээ, Амырга алдалаа (350).</i>	Квадратных четверо , С дудкой шестеро (глаза, уши, нос).
--	--

О разном уровне абстрактности, соответственно разной степени сложности, свидетельствуют также загадки-синонимы, в которых в одном случае используется более конкретное сочетание «числительное + метафора», а в другом — только метафора, поднимающая ребенка на следующую ступень его социализации и познания мира:

<i>Беш алышкы дош чүктеди (410).</i>	Пятеро братьев лед тащат (пальцы).
--------------------------------------	---

<i>Алышкылар дош чүктеди (409).</i>	Братья лед тащат (пять пальцев с ногтями).
-------------------------------------	---

В качестве катализатора процесса отгадывания выступают числительные и в универсальной загадке о периодах жизни человека:

<i>Эртен дөрт буттаар, Дүшпте ийи буттаар, Кежээ үш буттаар (430).</i>	Утром на четырёх ногах, В полдень на двух ногах, Вечером на трёх ногах (в младенчестве человек ползает, повзрослев ходит, в старости бредет, опираясь на палку).
--	--

В ней известная для ребенка информация (у человека две ноги) запускает процесс догадки-озарения о том, что закодировано сочетаниями *три ноги, четыре ноги*. В тувинском фонде имеется и более сложный ее вариант, в котором первоначальная загадка о четырех — двух — трех ногах человека является уже известной частью денотата энигматического текста, стимулирующей ребенка посредством логики развить метафору и найти отгадку:



<p><i>Дүне када бүшкүйүп аар, Даң бажында кулбурап кээр, Эртен кезжээ дег олурар, Биче дүште дөрт даяктаар, Дүште ийи буттаар, Кезжээ үш буттаар, Дүн четкелекте чыдыптар (432).</i></p>	<p>Ночью стобится, На заре выскользнет, Утром, как стела, сидит, В полдень на четырёх опорах, Днём на двух ногах, Вечером на трёх ногах, В сумерках ляжет (нахождение в чреве матери, рождение, младенец садится, ползание, ходьба, костыли в старости, смерть).</p>
---	---

В тувинском фонде загадок имеются еще более сложные по структуре, математической шкале и метафоризации примеры. Так, загадка об особенностях человеческого возраста состоит из семи частей с семью числительными, шесть из которых — производные (20, 30, 40, 50, 60, 70). Описательная часть текста построена по одной модели, где числительное указывает на количество лет, а предмет (одушевленный или неодушевленный) — метафорически характеризует период жизни человека: щенок — младенец, волк — юность, сабля — цветущая молодость, богатырь — сила, уверенность, чиновник — умственная зрелость, посох — начало старения, палка — старость.

<p><i>Он эник, Чээрби бөрү, Ужен хылыш, Дөртен маадыр, Бежен дүжүмет, Алдан даяңгыыш, Чеден быра (1008).</i></p>	<p>(Человеческий возраст, жизнь: 10 щенков — от 1 года до 10, младенческий возраст; 20 волков — от 10 до 20, возраст, когда человек много недопонимает, самонадеян; 30 сабель — цветущая молодость; 40 героев-богатырей — человек не торопится, ничего не боится; 50 чиновников — пора умственной зрелости; 60 посохов — начало старения; 70 рычагов-опор — человек стар и пользуется палкой).</p>
--	---

Важно отметить и то, что в загадках о человеке числительные используются также в сочетании с народными единицами измерения, характерными для традиционной культуры:

<p><i>Сөглээри биле көөрүнүң Аразы дөрт илиг, Дыңнаары биле сөглээриниң Аразы мугур сөөм (404).</i></p>	<p>Разница между сказанным и видимым — Четыре пальца, Разница между слышимым и сказанным — Малая пядь (Расстояние между ртом и глазом — четыре пальца, Расстояние между ухом и ртом — малая пядь).</p>
--	---

Когда загадывается предмет, одним из признаков которого является наличие большого количества однородных предметов, в тексте загадки, как правило, используется числительное 1 000 или слова со значением неопределенно большого количества *көвей, хөй* 'много, множество':

<p><i>Муң кара хоюм Демир-биле сүрдүм (367).</i></p>	<p>Тысячу черных овец моих Железным кнутом гнал (бритьё головы).</p>
---	--



<i>Хөл кыдыында көвей маас олур</i> (382).	У озера много оводов (глаз).
<i>Хөл кыдыында көп кас олур</i> (383).	У озера множество гусей сидят (ресницы).
<i>Көвей кижжи хөл харады</i> (384).	Множество людей озеро обозревают (ресницы глаз).

Итак, имена числительные в загадках употребляются, как правило, в описательной функции в точных арифметических значениях, отражая количественность объективной реальности. В то же время загадки о человеке дают яркий пример функционирования числительного үш ‘три’ в сакральной роли, однако это касается не лексико-семантического уровня энигматического текста, а его структуры. Имеются в виду загадки триады (үш-), в которых отгадка представляет собой единство трех понятий, образов (Мижит, 2004: 248) и которые «загадывали детям старше шести лет»¹.

Л. С. Мижит отмечает: «Например, загадка *Кижиде үш бай. Ол чүл?* / ‘Три богатства у человека. Что это?’ имеет следующий ответ: *Башкы бай — ажы-төл, Ортаа бай — эртем-билиг, Соңгу бай — эртин-байлак* ‘Первое богатство — дети, Среднее богатство — образование, Последнее богатство — имущество и драгоценности’» (Мижит, 2013: 128). Следует отметить, что загадки-триады характерны для фольклора тувинцев не только России, но и Китая и Монголии (Юша, 2021: 31–32), а также и для калмыков², бурятов (Бабуева, 2001: 94) и других народов. Более того, тройственные образы характерны не только для разных жанров тувинского традиционного творчества (героический эпос, сказка, шаманские алгыши, благопожелания, загадки-триады) (Мижит, 2013: 44), но и сохраняют свою актуальность в современной поэзии³ (Соян, 2020). Можно говорить о том, что триады — пример взаимодействия фольклорных жанров, ибо «когда остроумные ответы воспринимаются уже без вопроса и известны всем, они приобретают характер пословиц» (Бредис и др., 2022: 286).

Как видно из сборника загадок Г. Н. Курбатского, особой значимостью триады обладают в таком тематическом разделе загадок, как «Загадки о собственно духовной культуре» (подробнее см. в разделе «Цветовой код как компонент денотата загадок о человеке»).

Таким образом, имена числительные в загадках употребляются, как правило, в своем буквальном математическом значении в функции описания загаданного предмета посредством указания на его объективный количественный признак, помогающий совершить скачок от энигматора (кодирующей, описательной части) к энигмату (объекту действительности, закодированному в загадке). В этом заключается главное отличие в использовании числительных в жанре загадки, ибо в других фольклорных текстах (сказках, пословицах, благопожеланиях и др.) числительные имеют культурную коннотацию: «Тувинские паремии в основе своей имеют символическую и сакральную семантику чисел, основанную на народных поверьях, обрядах, фольклорных и мифологических представлениях...» (Бредис и др., 2022: 287–288).

Цветовой код как компонент денотата загадок о человеке

В тувинских загадках о человеке цветовая палитра достаточно ограничена, что представляется глубоко закономерным, ибо жанр загадки очень древний, а в далекой древности люди не различали цвета так, как современные народы (имеется в виду наличие специальных номинаций цвета). В филогенезе белый цвет представлял обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность или ее отсутствие; черный цвет обобщал все темные цвета (в том числе, синий). Черный — всегда скрывает в себе все, что несет, т. е. он «загадочен»; позднее был освоен красный

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — начало XXI в.) : дисс. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2015. С. 44.

² Устиева И. С. Калмыцкие народные загадки : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2011. С. 11.

³ Мижит Л. С. Триада в тувинской словесности: поэтический жанр ожук дажы (трехстишие) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2007. 25 с.



цвет — цвет солнца, горячего песка и огня, крови и жизни (Колесов, 1982: 17). Как отмечал известный филолог В. В. Колесов, «даже в XX веке многие дикие племена в Африке или Южной Америке четко противопоставляют только красный — черный — белый цвета. Каждый из них имеет свой смысл, все одинаково важны в представлении этих народов. Они и обозначены словом только потому, что важны в жизни — все остальные цвета бессмысленны, бесполезны, и потому их не видят. Их не видят потому, что не знают» (там же: 28). Кроме того, для описания человека, как правило, достаточно основных цветов.

Прилагательные цвета в загадках о человеке отражают народный идеал красоты: тувинец — черноволосый и темноглазый, белозубый и смуглый.

Так, волосы в текстах загадок зашифрованы разными метафорами, однако они все объединены черным цветом: черный тальник и черная лоза (растения с тонкими гибкими ветками), черные овцы (скот, который пасет человек — расчесывает, бреет, стрижет), черная тайга (густая растительность):

<i>Кара талдың өзээ чок, Кара хаактың будуу чок (360).</i>	У чёрного тальника сердцевины нет, У чёрной лозы веток нет (волосы на голове).
<i>Муң кара хоюм Демир-биле сүрдүм (367).</i>	Тысячу чёрных овец моих Железным кнутом гнал (бритье головы).
<i>Ыяжының өзээ, чүзү чок Мөкүлчек кара тайгам (355).</i>	Древесной сердцевины, сучка нет У круглой чёрной тайги моей (голова).

На темные глаза загадка намекает использованием не только черного, но и синего цвета (темный цвет в понимании древнего человека, цвет воды — более позднее восприятие):

<i>Хөө дег кара, Хөл кавайлыг, Туң дег ак (369).</i>	Черный, как сажа, Колыбель его — озеро, Белое, как раковина (глаз).
<i>Хөл кыдыында көк пөс, Эрик кырында эрегей-хорагай (386).</i>	У озера синяя ткань, На берегу — изобилие парчи (ресницы).

В качестве характеристики денотата использовался также признак двухцветности глаз, который тувинцы в соответствии с парадигмой кочевого народа передавали обозначением масти скота (*ала* — ‘пегий, с белыми пятнами на тёмном или рыжем фоне’) — *пегая лошадь, корова, теленок*:

<i>Ала аьдым хыл кажаалыг (371).</i>	Пегая лошадь моя, волосом огороженная (глаз).
<i>Куй иштинде ала инек чыдыр, (372).</i>	В пещере пегая корова лежит (глаз).
<i>Ала бызаамны Хаак-биле кымчыладым (385).</i>	Пегого телёнка моего Тальниковым кнутом бил (ресницы).

С темными волосами и глазами контрастируют белые (светлые и блестящие) зубы — нечто белое и крепкое, например, белые бабки (*кажыкта* — играть в бабки), скалы, камень, кости:



<p><i>Ажарга, ак чайт, Шыварга, шыпшың (389). Аптарам ишти ак кажыктарлыг (391).</i></p>	<p>Откроеет — белым-бело. Прикроеет — тишина (рот, зубы). В сундуке моем белые бабки (рот, зубы).</p>
--	---

Интересна загадка о мясе, застрявшем в зубах (образ, типичный для тюркоязычных народов), в которой два эпитета-кolorатива используются в одном случае в прямом денотативном значении (**ак хаялар**), а в другом — в коннотативном метафорическом, указывающем на пищевую ценность продукта (**алдын чиңгис**):

<p><i>Ак хаялар аразында Алдын чиңгис чыдыр (392).</i></p>	<p>Между белыми скалами Золотой мох лежит (мясо, застрявшее между зубами).</p>
--	--

Бесспорно, мясо у тувинцев, как и у других народов-мясоедов, издревле являлось очень ценной пищей (Курбатский, 2001: 25). Неслучайно костный мозг, сало и мясо «в загадках поэтизируются за счет сравнения с драгоценными металлами...» (Чеснокова, Усманов, 2022а: 310):

<p><i>Сөөк иштинде — мөңгүн, Мөңгүн интинде — алдын, Алдын иштинде — амдан (621).</i></p>	<p>Внутри кости — серебро, Внутри серебра — золото, Внутри золота — вкус (сало, костный мозг).</p>
---	--

Другими словами, золотой мох — это не цвет загаданного предмета, а признание его высокой ценности в лингвокультуре тувинцев.

Среди энигматических текстов об «анатомии человека» имеется немало вариантов с отгадкой «язык», в большинстве которых в описательной части загадки ключевую роль играет цвет загаданного органа, отраженного посредством традиционного для кочевников образа животного определенной масти: *шилги* — ‘красновато-рыжий’ (о масти лошади, коровы) и метонимически связанного с ним образа привязи того же цвета:

<p><i>Ак даш артында Шилги бызаа алгырып тур (393).</i></p>	<p>За белым камнем Красновато-рыжий телёнок ревет (язык).</p>
---	---

<p><i>Хан шилги аьдым Сөөк кажалыг (396).</i></p>	<p>Кроваво-красноватый конь мой, Огороженный костями (язык).</p>
---	--

<p><i>Ужен ийи кожактыг, Ходугур шилги баглааштыг (399).</i></p>	<p>С тридцатью двумя лентами, С торчащей красновато-рыжей привязью (рот, зубы, язык).</p>
--	---

В разделе «Загадки о собственно духовной культуре» имеются триады, в которых ключевым компонентом денотата являются прилагательные *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’.

Так, разные фазы развития маркируются через белый цвет тех или иных частей тела в определенный период жизни человека:

<p><i>Өртемчейде үш ак (1011). (Аныяанда дижи ак, Кырый бээрге, бажы ак, Өлү бээрге, сөөгү ак).</i></p>	<p><i>Во вселенной три белых. (В молодости зубы белые, В старости голова белая, После смерти кости белые).</i></p>
---	--



В триаде о трех черных вещах цветовой эпитет употребляется в разных значениях, синтезируя в рамках одной загадки денотативный, коннотативный, символический компоненты семантики колоратива: *хамүрү кара*, *бажы кара* — ‘цвет’, *баары кара* — качественная (пейоративная) оценка ‘злой, коварный’, *чевээ кара* — отрицательная коннотация ‘нечто страшное, неизвестное’, *коданы кара* — количественная оценка ‘многочисленный’, ср. «*кара шаар мал-маган* — черное множество скота, *кара шаар шериг* — черное множество воинов...» (Сиянбиль М., Сиянбиль А., 2000: 53; курсив мой. — Т. Б.).

<p><i>Чүведе үш кара</i> (1013). (Пар ыяштың хөмүрү кара, Бак кижиниң баары кара, Бай кижиниң коданы кара).</p>	<p><i>В вещах три черных.</i> (У лиственницы уголь черный, У плохого человека печень черная, У богатого человека стойбище черное).</p>
<p><i>Өртемчейде үш кара</i> (1014). Аныяанда бажы кара, Көже бээрге, чурту кара. Өлү бээрге, чевээ кара.</p>	<p><i>Во вселенной три черных.</i> В молодости голова черная, При перекочевке стойбище черное, После смерти могила черная.</p>

Образы трех красных в тувинской загадке представляют разные эталоны одного и того же цвета: *соо кызыл* — ‘цвета зари’, *караа кызыл* — ‘цвета крови’, *чаагы кызыл* — ‘румянец — цвет здоровья и красоты’, соединяя таким образом космогоническую, зоонимическую и антропонимическую ипостаси модели мира.

<p><i>Өртемчейде үш кызыл</i> (1016). Кааң дээрниң соо кызыл, Калчаа аъттың караа кызыл, Кадын кыстың чаагы кызыл.</p>	<p><i>Во вселенной три красных.</i> У ясного неба западный край красный, У озорующего (взбешенного) коня глаза красные, У ханской дочери щеки красные.</p>
---	---

Таким образом, прилагательные цвета в тувинских загадках чаще всего используются в своем прямом значении, указывая на эталонную характеристику энигмата (*черные волосы, глаза; белые зубы, красный язык*). С другой стороны, данные цветовые образы прямо связаны с лингвокультурным освоением мира и тувинской картиной мира — это и представление о том, какова должна быть внешность тувинцев в норме, т. е. этнический идеал красоты, и колоративы, использующиеся для обозначения масти одомашненных животных, а скотоводство как изначальный вид трудовой деятельности тувинцев — важный аспект моделирования окружающего мира. В загадках о человеке встречаются также случаи использования цветowych эпитетов не в колоративном значении, а в метафорическом (*золотой мох* — ‘мясо, ценная пища’, *черное пастбище* — ‘множество скота’, *черная печень* — ‘плохой человек’).

Заключение

Для описательной части тувинских загадок о человеке характерно употребление имен числительных в буквальном математическом значении с указанием на объективный количественный признак загаданного предмета, который, являясь общим для энигматора (кодирующей части) и энигмата (зашифрованного объекта действительности), стимулирует когнитивный «скачок» от загадки к отгадке. Тем самым числовой код служит передаче знаний об особенностях анатомии человека, дает ребенку наглядное представление о счете и элементарных арифметических действиях и развивает логическое мышление, поскольку наличие в энигматическом тексте количественного признака, являющегося исходным пунктом аксиологического анализа, облегчает дешифровку метафорического образа. Тенденция к использованию числительных в прямом значении отличает жанр загадки от других тувин-



ских фольклорных текстов (сказок, пословиц, благопожеланий и др.), в которых числовой код выражает культурные коннотации и символическое освоение мира.

В то же время сакральная роль числительного *үш* 'три' отражается в своеобразном виде тувинских загадок-триад, распространенных как в традиционных фольклорных текстах, так и в произведениях современной художественной литературы. В загадках-триадах о человеке числовой код нередко взаимодействует с цветовым (*үш кызыл* 'три красных', *үш ак* 'три белых', *үш кара* 'три черных').

Цветовой код в тувинских загадках о человеке указывает на эталонную характеристику части тела, того или иного органа (*черные волосы, глаза; белые зубы, красный язык*), формируя этнический идеал красоты. Другой особенностью функционирования цветового кода культуры в тувинских загадках о человеке является использование колоративов для обозначения масти животных, т. е. в составе зоонимической метафоры, что связано с традиционным видом деятельности тувинцев. Лингвокультурное освоение мира проявляется в этноспецифичных метафорах цвета (*алдын чиңгис, баары кара*).

Таким образом, количественный и цветовой признаки являются общими для загадки и отгадки, что мотивирует метафорический образ энигматического текста.

Благодарности

Автор благодарит рецензентов за конструктивные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Баранов, А. Н. (1989) Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. № 3. С. 74–90.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : [в 2 т.]. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 2. 391 с.
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>
- Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>



Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ковшова, М. Л., Гудков, Д. Б. (2017) Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис. 192 с.

Колесов, В. В. (1982) История русского языка в рассказах : кн. для учащихся ст. классов. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение. 191 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 462, [1] с.

Логутенкова, О. (2016) Отражение фольклорной картины мира в языковом сознании русско-греческих билингвов (на материале русских и новогреческих загадок) // Cuadernos de Rusística Española. № 12. С. 47–56.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мижит, Л. С. (2004) Числовая символика в тувинской фольклорно-литературной традиции // Ученые записки ТИГИ. Кызыл. Вып. XX. 420 с. С. 239–251.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Паремиология без границ (2020) : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др. ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / О. Б. Абакумова, А. С. Алешин, Т. Г. Бочина и др. ; под ред. О. В. Ломакиной. М. : URSS ; Ленанд. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Седакова, И. А., Толстая, С. М. (1999) Загадки // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения. Т. 2. 697, [1] с. С. 233–237.

Сиянбиль, М. О., Сиянбиль, А. А. (2000) Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл : Тип. Госкомитета печати и массовой информации РТ. 72 с.

Солян, А. М. (2020) Символика числа Үш — ‘три’ в фольклоре и литературе тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 371–373. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Топоров, В. Н. (2005) Заметка о числовом коде русских загадок // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры. 818 с. С. 350–361.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Дата поступления: 03.06.2023 г.

Дата принятия: 10.07.2023 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (1989) Aksiologicheskie strategii v strukture iazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary)]. *Voprosy iazykoznaviia*, no. 3, pp. 74–90. (In Russ.).
- Baudouin de Courtenay, J. (1963) *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaviiu [Selected works on general linguistics]* : in 2 vols. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. 391 p. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>



Bochina, T. G. (2023) *Poslovitsa na veka molvitsia: izbrannye trudy po russkoi paremiologii* [The proverb is said for the ages: Selected works on Russian paremiology]. Kazan, Kazan University Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2022a) Semanticheskaja tipologija tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aforizm v krugu malykh tekstovykh form v ustnom, pis'mennom i elektronnom diskursakh [Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kovshova, M. L. and Gudkov, D. B. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguoculturological terms]. Moscow, Gnozis. 192 p. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (1982) *Istoriia russkogo iazyka v rasskazakh* [The history of the Russian language in stories]: A book for high schoolers. 2nd ed., revised. Moscow, Prosveshchenie. 191 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 462, [1] p. (In Russ.).

Logutenkova, O. (2016) Otrazhenie fol'klornoj kartiny mira v iazykovom soznanii russko-grecheskikh bilingvov (na materiale russkikh i novogrecheskikh zagadok) [The folklore picture of the world reflected in the language consciousness of the Greek-Russian bilinguals (on the material of Greek and Russian traditional riddles)]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 12, pp. 47–56. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologija: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mizhit, L. S. (2004) Chislovaia simvolika v tuvinskoj fol'klorno-literaturnoi traditsii [Numerical symbolism in Tuvan folklore and literary tradition]. In: *Uchenye zapiski TIGI* [Proceedings of Tuvan Institute for Humanities Research]. Kyzyl. Issue XX. 420 p. Pp. 239–251. (In Russ.).



Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoj kul'ture [Tuva tercet. The triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Paremiologija bez granits [Paremiology without borders] (2020) : A monograph / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova et al. ; ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologija v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) : General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world / O. B. Abakumova, A. S. Aleshin, T. G. Bochina et al. ; ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 304 p. (In Russ.).

Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Sedakova, I. A. and Tolstaia, S. M. (1999) Zagadki [Riddles]. In: *Slavianskie drevnosti [Slavic antiquities]*: An ethnolinguistic dictionary : in 5 vols. / ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2. 697, [1] p. Pp. 233–237. (In Russ.).

Siiabil', M. O. and Siiabil', A. A. (2000) *Traditsionnyi tuvinskii kostium (Istoriia. Simvolika) [Traditional Tuvan costume (History. Symbolism)]*. Kyzyl, Printing House of the State Committee of Press and Mass Media of the Republic of Tuva. 72 p. (In Russ.).

Soyan, A. M. (2020) Simvolika chisla Ysh — 'tri' v fol'klоре i literature tuvintsev [Symbolism of the number three in Tuvan folklore and literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (83), pp. 371–373. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Toporov, V. N. (2005) Zametka o chislovom kode russkikh zagadok [A note about numerical code of Russian riddles]. In: Toporov, V. N. *Issledovaniia po etimologii i semantike [Studies on etymology and semantics]*. Vol. 1: Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia [Theory and some of its particular applications]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury. 818 p. Pp. 350–361. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Zagadki o pishche v tuvinskoj i russkoj lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Obrazy prirody v tuvinskikh, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Yusha, Zh. M. (2021) Zhanr zagadki v fol'klоре tuvintsev Rossii, Kitaia i Mongolii [The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Submission date: 03.06.2023.

Acceptance date: 10.07.2023.